

УДК 821.511.151

А. А. Арзамазов

**ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
МАРИЙСКОГО СОЦРЕАЛИЗМА:
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФЕНОМЕН
ЭВРИКА АНИСИМОВА**

В статье рассматриваются различные стороны художественного мира малоизвестного широкой читательской аудитории марийского поэта Эврика Анисимова. Его творчество в аналитическом плане интересно тем, что в нем получили отражение наиболее важные исторические события, выпавшие на долю человека, рожденного в СССР. Поэтическое осмысление этих событий не могло проходить гладко, эстетически однородно, в одном идейно-эмоциональном ключе. Марийский поэт проживает большую сложную жизнь, становится свидетелем катастрофических реалий и последствий Великой Отечественной войны, распада страны, крушения идеалов. Он вынужден жить и творить, приспосабливаясь к новым чужим этическим парадигмам и культурным параметрам. Стихотворения Э. Анисимова отличаются разнообразием проблемно-тематического диапазона, характеризуются текстопорождающим взаимодействием «режимов» памяти. Существенным, с литературной точки зрения ценным, качеством являются разноплановые психологические контексты поэзии Анисимова. Выявляемые многочисленные ситуации физической и душевной травматизации лирического субъекта, по-видимому, могут расцениваться и как объективный итог жизни в годы войны, и как примечательная этнопсихологическая черта финно-угорского этнофора. Знаковыми являются и «сферы отсутствия». Не актуализируемые поэтом сюжеты любовной коммуникации, выражения своей этнической идентичности свидетельствуют о работающих даже спустя годы механизмах внутренней фильтрации, цензуры. Художественный феномен Э. Анисимова определяется сложно устроенной реальностью взаимоналожения / отталкивания советской модели мира, соцреалистической риторики и авторского ощущения трагичности советской истории, повседневности. В его произведениях идеологические установки то сталкиваются, то имплицитно сосуществуют с пробуждающейся творческой свободой, воспоминания «осложнены» восприятием современности, героическое сочетается с особой чувствительностью. Обращение к поэзии Эврика Анисимова показывает, что назрела необходимость перечитать произведения марийского соцреализма.

Ключевые слова: соцреализм, марийская поэзия, риторика эпохи, нарратив, сюжет, мотив, образная система, история, духовная культура, наив, пейзажная лирика, урбанистика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-83-93

Одно из наиболее актуальных направлений современного финно-угроведения – исследование художественного наследия советской эпохи. Очевидно, что значительный пласт финно-угорских литератур составляют произведения соцреалистического характера. Идеологическая ангажированность в начале XXI столетия воспринимается всё более отстраненно, как историко-культурная аксиома, которую в аналитическом плане нужно учиться принимать. Подлинный талант проявляется и в ограниченных условиях творческого самовыражения: социалистиче-

ский реализм мог быть «с человеческим лицом», мог быть интересным, многообразным с литературной точки зрения. Сегодня очень важно вернуться к полузабытым авторам и текстам, перечитать их по-новому, рассмотреть в контексте новых теоретико-методологических реалий, вынести за скобки неудобную для интерпретации идеологическую составляющую. При таком «реабилитирующем» подходе многое проясняется, исследуемый художественный мир писателя нередко обретает прежде не открытую самобытность, культурно-эстетическую ценность. Один из таких претендующих на качественно новое прочтение финно-угорских авторов – марийский поэт Эврик Анисимов.

Рассмотрение особенностей поэтического творчества Э. Анисимова осуществляется с учетом исследований как отечественных [Аmineва 2016; Арзамазов 2021; Владыкина 2014; Жулева 2019; Завьялов 2007; Кудрявцева 2011, 2019; Кучукова 2015; Манаева-Чеснокова 2004; Султанов 2019], так и зарубежных ученых [Annus 2018; Ekmanis 1978; Mattingly 2011; Risch 2015], специалистов по советской культуре, национальным литературам.

Эрик Васильевич Анисимов (1938) – поэт, представляющий «колумбовское» поколение в марийской литературе. Писатели этого поколения начали свой творческий путь во второй пол. 1950-х – нач. 1960-х гг., в период некоторого ослабления идеологического давления, именно с их именами связывают расцвет национальной словесности. Комментируя модель жизни Э. Анисимова, нельзя вновь не подчеркнуть сходство судеб многих национальных писателей в СССР. «Маршруты» профессионального развития почти у всех были одинаковыми: деревенская школа – институт (в своей республике и / или Москве, Ленинграде) – работа в школе / работа в СМИ, выход дебютной книги на родном языке в возрасте 30 лет. Большой творческой удачей для Э. Анисимова стало сотрудничество с ленинградским переводчиком М. Головенчиком. Русские переводы в целом получились достойными, отражающими своеобразие творческого метода автора.

Избранная нами для анализа книга Анисимова «Листопад» состоит из двух разделов: «Ветка черемухи» и «Жизнь моя». Первый раздел по многим художественным параметрам кажется более интересным, разнообразным. Второй включает в себя преимущественно тексты, пронизанные воспоминаниями о военном детстве, стихи соцреалистического плана. Поэтические произведения Анисимова с точки зрения формы, композиции простые, традиционные, с консервативной рифмовкой. Его стихи достаточно объемны, однако в пределах анализируемой книги не зафиксировано примеров «лироэпического расширения», не найти циклической организации текстов.

Тема времени в разных художественных преломлениях реализуется в поэзии Эврика Анисимова. Основной эмоционально-смысловой фон в стихотворениях этого ряда – осознание быстротечности жизни, ощущение собственного «видового» бессилия перед физическими законами мироздания, тоска по давно ушедшей молодости: *«Как быстро течно, так тревожно время, / Уходит молодость в конце концов, / И принимаем мы на плечи бремя»* [Анисимов 2008, 6].

Идеализация прошлого, мотив возвращения в молодые годы у Э. Анисимова как поэтические сценарии встречаются повсеместно. В стихотворении «Степная сказка» лирический герой пытается «догнать» свое прошлое, явленное в виде эпизодов далекой студенческой жизни. Былое словно заигрывает с ним, молодость «вспыхивает», почти становится реальностью настоящего, но в итоге в своем иллюзорном приближении оказывается параллельным «живым» и недоступным мифологическим измерением: *«Кажется мне, что вагончик я вижу, / Прежде в нем жили студенты-друзья, / Свет в его окнах всё ближе и ближе, / Только вот с ним поравняться нельзя. / Думаю – друга услышу я слово, / Вот он – вагончик. Всего в двух шагах. / Но от меня убегает он снова, / Словно избушка на курьих ногах»* [Анисимов 2008, 15]. Представленная в стихах индивидуально-авторская программа «оживления» прошлого кинематографична, складывается из разнородных зрительно фиксируемых сигналов, действий. Несколько экзотический степной хронотоп, ассоциативно сопряженный с молодостью, отсылает к гран-

диозным стройкам советского государства, к образу жизни советской молодежи, ее трудовым перемещениям по стране.

Приемы художественной визуализации задействованы в целой серии произведений Э. Анисимова. «Психофизические» параметры зрения уступают место духовным, экзистенциальным: *«Я вижу речные рассветы, / И молодость вижу свою, / И с веткой обломанной этой / Я снова как будто в раю»* [Анисимов 2008, 7]; *«Многолюдный дом здесь был когда-то, / И качалась на ветру трава, / И горели майские закаты, / И шумела юная трава»* [Там же, 2008, 9]; *«Лежит мое поле в рассветном огне, / И прежние дни возвратились ко мне»* [Там же, 2008, 27]. Приведенные фрагменты стихотворений показывают, что с концептуальной темой времени сопряжены нарративы памяти, сюжеты воспоминания. Лирическому субъекту Э. Анисимова часто неуютно в континууме своего настоящего, он регулярно собирает по крупницам события прошлого. И эти «акты» восстановления онтологически оказываются спасительными, «уравновешивают» отношения с текущей действительностью, помогают осознать ценность пережитого, пройденного.

Лирические воспоминания Э. Анисимова пронизаны почти мифологическим ощущением природы: те или иные явления, проявления, субъекты, локусы которой накладываются на знаковые события жизни «Я» субъекта.

Кони, скакуны – один из символов времени в художественной картине мира Э. Анисимова. Поэт подчеркивает, что время сильнее отдельного человека, которому не под силу управлять им: *«А время безжалостно к людям, / И гонит, и гонит коней. / Полно оно вечной тревоги, / И пусть я его берегу, / Но этих коней быstroногих / Я взять под уздцы не могу»* [Анисимов 2008, 31].

Обостренное ощущение времени в системе стихотворения иногда проявляется эпизодически, обыгрывается как бы внезапно, случайно, подается в контексте авторской рефлексии, развернутого рассуждения. Создается впечатление, что одна из болевых точек автора – старение, как внешнее (физиологическое), так и внутреннее (душевно-эмоциональное).

Целая серия стихотворений Э. Анисимова в широком смысле посвящена теме воспоминаний о Великой Отечественной войне. Эти произведения, с одной стороны, автобиографичны, в них отражены реальные события, действия. С другой стороны, речь может идти о художественных формах коллективной и субъективной мифологизации, когда многое пропущено и стерто, неудобные подробности отсутствуют. В центре военных стихов марийского поэта – образ отца, ушедшего воевать с фашистами. Согласно целому ряду сюжетов, он возвращается живым, однако при этом почти всегда молчит, лишен своего самостоятельного голоса, своих эмоций, реплик. Его образ призрачен, неуловим, автор о военных годах, бедах и радостях войны предпочитает рассказывать сам.

Особое место в художественном представлении нарративов войны занимает топография. Память места не отпускает, человек спустя годы мысленно перемещается на поле боя, где гибли товарищи и жизнь висела на волоске. У Эврика Анисимова есть несколько текстов, в которых осуществляется поэтическая репрезентация локусов войны, смерти. В «мемориальном» стихотворении «Обелиск» происходит характерное для данного типа произведений смешение временных планов, картин происходящего. Война, жизнь, смерть, символически проявляющая себя природа становятся единым континуумом памяти: *«Он бежал среди грохота стали / И упал возле самой реки, / И к груди его разом припали / Светлоглазые васильки. / И на этом возвышенном месте / Обелиск невысокий стоит... / Бродят ветры вокруг чередою, / И приходит к знакомой реке / Снова женщина с прядью седою / В старом платье, в черном платке. / И глядит она в давние годы, / И опять вспоминает грозу, / И негромкую слушает воду, / И на камень роняет слезу»* [Анисимов 2008, 64].

В стихотворении «Окоп в Саласпилсе» [Анисимов 2008, 48] вновь место кровопролитных сражений отмечено участием природы – сирень здесь цветет как нигде, соловей заливается

из последних сил, как в последний раз. По-видимому, такая реакция воспринимающего сознания продиктована как мифологическими установками этнофора, так и общечеловеческим пониманием метафизической сложности такого топоса.

Память, воспоминания становятся ключевым содержательным стержнем многих стихотворений во втором разделе книги «Жизнь моя». Фактически отдельные тексты – это художественная фиксация реалий и впечатлений прошлого, преимущественно – детства. Среди символических конструкторов здесь обычно выступают вещи, предметы, репрезентующие бытие и быт народа мари, жизненный уклад советского человека. В стихотворении «Калитка» обозначенный атрибут на уровне заглавия не только пробуждает воспоминания, но и приобретает выразительную трагическую знаковую силу. Калитка ассоциируется с войной, возможной гибелью отца, фатальным ожиданием: *«О, память моя, ты сильнее расстоянья, / И в прошлое вновь я сквозь годы взгляну, / Калитку отец распахнул в час прощанья, / Махнул нам рукой и ушел на войну... / Калитку я в прошлые дни открываю / И вижу отца, и печалюсь о нем, / И времени пласт за пластом поднимаю»* [Анисимов 2008, 56]. Калитка, как и ворота, двери, окна, пороги, в традиционной культуре финно-угорских народов воплощают собой границу между мирами, символизируют «выход» в потусторонний мир. В данном случае мифологическая семантика поэтически воспроизводится, художественный символ прошлого раскрывается и как этнокультурный маркер.

Одно из ярких «долгоиграющих» впечатлений детства – патефон. В одноименном стихотворении этот магический предмет играет роль как своеобразного атрибутивного «документа» эпохи, примечательной автобиографической детали (и даже индикатора социального положения семьи), так и выступает в качестве метафоры времени, течения / «кружения» жизни: *«А время пластинкой кружилось, / Шальные летели года, / Но дни эти в памяти живы – / Со мною они. Как тогда»* [Там же, 58].

Сила впечатлений и воспоминаний, связанных с патефоном, еще и в его песенно-музыкальной предназначенности. Марийский этнофор – это в национальной литературе подчеркивается повсеместно – чрезвычайно чувствителен к музыке, песне. Здесь же элиминируется ожидаемый этнический компонент, среди музыкальных упоминаний – фамилии советских исполнителей (Утесов, Шульженко, Козин). В стихотворении «Первый велосипед» [Анисимов 2008, 59] обозначенное транспортное средство – вознаграждение мальчика за взрослый труд – в восприятии лирического субъекта олицетворяет собой одну из редких больших радостей военного детства. Это важная стадия взросления, новая грань социальной самоидентификации. Стихотворения Э. Анисимова свидетельствуют о том, что вещь в своем художественном бытовании нередко возводится в категорию духовную, становится значимой эмблемой индивидуальной памяти человека.

Один из «порталов» памяти в поэтической модели мира Э. Анисимова – музей. Но здесь лирического героя посещают воспоминания иного рода – глобальные, исторические, не привязанные к событиям собственной жизни. Музейные экспонаты вместо героического обращают к трагическому, погружают в далекие от патриотического пафоса раздумья: *«Не слышно здесь шума, / Здесь властвуют думы, / Но время здесь мчится / Горячей жар-птицей. / Гляжу я в былое, / Встают предо мною / Кровавые годы / И беды народа, / И путь сквозь страданья»* [Анисимов 2008, 91].

Э. Анисимов, невзирая на внешние и внутренние «ограничители» ментальности советского человека, не может обойти стороной тему огромных человеческих потерь в годы войны и репрессий. При этом Эврик Анисимов – поэт преимущественно пессимистического мировидения – в своем творчестве старается избегать громких слов и лишенных смысла риторических манифестаций. Кажется, что одна из определяющих значимость современного национального писателя, литературы больших художественных задач – правдиво-достоверное осмысление исторических событий (прежде всего трагических) в судьбе своего народа, страны.

Эврик Анисимов в некоторых своих стихотворениях изображает годы перестройки, постсоветскую эпоху. Следует заметить, что художественное отражение конца 1980–1990-х гг. почти во всех литературах народов России характеризуется универсальным набором образов, мотивов, оценок, преподносимых ситуаций; отличается, с одной стороны, повышенной «внешней» документальностью, с другой – значительной «внутренней» мифологизированностью. Этот период повсеместно воспринимается в негативном свете, сквозь призму неоправданных ожиданий, ложных ценностей, тупиковых ориентиров.

В стихотворении Э. Анисимова «Дорога» лирический субъект вынужден признать свое неблагополучие, неумение жить по-новому. Среди «новых» топосов – рынок: *«Грустно думаю я думу – / Как дорога нелегка. / Хорошо для толстосума, / Тяжело – для бедняка. / А дорога эта к рынку, / Говорят, он недалек. / Но пуста моя корзинка, / Слишком тонок кошелек»* [Анисимов 2008, 30].

Эпоха перестройки, 1990-х гг. в стихах Э. Анисимова – это не только взгляд на себя, но и пристальное наблюдение за жизнью других. Марийский поэт стремится развернуть панораму сложной современности в пределах как субъективного, так и коллективно-объективного. Через внешнее он рассматривает внутреннее, феномен времени осмысливается прежде всего в категориях социального / психологического самоощущения индивидуума: *«О, улица, как ты сурова – / И грустен твой облик и тих, / Не слышу я доброго слова, / Не вижу улыбок людских. / Какие застывшие лица, / В глазах лишь усталость – не свет... / Вот глянул мужчина сердито, / И женщина смотрит так зло – / Погоня за дефицитом / Из нас выдувает тепло... / Какое же время настало, / И что-то конца ему нет»* [Анисимов 2008, 82].

Именно в таких социально-проблемных стихотворениях, «экспонирующих» жизнь в уже другой стране, о себе заявляет город. Здесь появляются новые герои и антигерои, складывается панорама новой действительности, обозначаются новые потребности.

Э. Анисимов с некоторой наивностью, непосредственностью фиксирует наступление эпохи потребления. Центром жизни постсоветского человека становится магазин, а ее благополучие измеряется наличием / отсутствием конкретной вещи: *«В магазине толпится народ, / В магазине людской океан, / Кто-то ищет удобный диван, / Кто-то мягкие стулья берет. / Нам же новая стенка нужна, / Потому что давно без нее / Бедным кажется наше жилье, / И мечтают о стенке жена»* [Анисимов 2008, 89].

Базар, торговля, повсеместная устремленность к наживе, приезжие улыбочивые продавцы-богатыри упоминаются в стихотворении «Богатырь» [Там же, 87–88]. В качестве реалий повседневности – постсоветская Россия, которая для лирического героя / автора оказывается чужой страной, страной пустых слов, невыполненных обещаний, ненастоящих богатырей и никому не нужных поэтов.

Значительную часть вошедших в сборник «Листопад» стихов составляют «деревенские» тексты (см.: «Пастух», «Не спеши на луг», «Хлебное поле» [Анисимов 2008] и др.). Это своего рода поэтическое «возвращение» к сельскому мироустройству, жизненному укладу. Стихи данного тематического комплекса включают в себя презентацию сцен физического труда на земле, пейзажные зарисовки, иллюстрирующие скромную красоту природы родного края. Удивительно, что стихи о деревне почти не содержат этнографической компоненты, герои за редким исключением в этнокультурном аспекте обезличены, их «антропология повседневности» (М. Н. Губогло) художественно реализуется вне системы марийской аксиологии. Это при том, что подобные произведения, как правило, изобилуют сведениями о материальной и духовной культуре народа.

Одна из значительных внутренних драм лирического субъекта Эврика Анисимова – его «разорванность» между мирами города и деревни. Выбрав урбанистическое настоящее, он обрекает себя на томление, непроходящую тоску по природе, живет в непрерывном ожидании возвращения к порогу отчего дома. Городская квартира ему кажется пленом, клеткой, распла-

той за относительную стабильность жизни. Деревенское прошлое, каким бы трудным оно ни было, на ценностной шкале бытия не соизмеримо с видимостью городского благополучия. Примечательно, что это противостояние двух мест-мировоззрений поэтически проявлено лишь «пунктирно», прочитывается между строк. В стихах, адресованных марийской столице, как правило, не найти эксплицитных примеров негативации, демонизации топоса (что, к слову, наблюдается в современной удмуртской литературе). Лирический герой пытается отыскать в городе деревенские уголки, увидеть «острова» природы. Авторская «политкорректность» versus Йошкар-Ола нивелируется при моделировании картины действительности 1990-х.

В образной системе поэзии Эврика Анисимова центральное место занимают деревья – разные и в разном виде (одиноко растущие, деревья в лесу, саду, в виде отломленной ветки). Деревья марийский поэт очеловечивает, им приписываются поведение, переживания, судьбы людей: *«Словно мать, что ждет подолгу сына, / Яблоня стоит совсем одна, / На своей дороге, трудной, длинной, / Знала мало радостей она... / Яблоня платком махала солнцу, / Осыпала белые цветы... / Отчего теперь ты одинока, / Яблоня, красавица моя?»* [Анисимов 2008, 9]; *«Горят рябиновые кисти, / Гуляет в парке листвою, / И старый клен, утратив листья, / Стоит один, совсем нагой. / Ползут над ним по небу тучи, / И высь безмолвия полна. / И старых лип кривые сучья / Чернеют, словно письма... / Вокруг пустынно и уныло, / Близка вечерняя заря, / И клену одному под силу / Прочсть посланья октября»* [Там же, 28].

Деревья в стихотворении «Вешнее диво» [Анисимов 2008, 38] предсказуемо соотносятся с девушками. Белая торжественная черемуха сравнивается с красавицей, ослепляющей своим убранством и внешностью всех вокруг. Растущая в стороне от дорог осина – девушка неприметной внутренней красоты, которую невозможно разглядеть издали. Шум деревьев – образно-акустическое проявление далекого детства: *«Мы в детстве за околицу деревни / Бежали дружно пестрою гурьбой – / Туда, где на ветру шумят деревья»* [Анисимов 2008, 23].

Еще один распространенный аграрный символ, сопряженный с деревом, – образ плода. В тексте «Яблоня» герой хочет посадить рядом с яблоней клен, тем самым спасая ее от одиночества. Итогом этого «союза» должны стать «зрелые, тяжелые плоды» [Там же, 10]. Поэт здесь далек от подлинной изящности лирического слова, эстетики поэтизации сферы чувственного, любовного. По всей вероятности, в данном случае срабатывает крестьянская «оптика» автора, первичен натурализм описания. В стихотворении «Горький плод» мальчик забирается в чужой сад за неспелым плодом. Горький привкус плода корреспондирует с «горечью» поступка: пойманный отцом герой еще бессознательно (потому что так надо) раскаивается в содеянном, под влиянием родителя признает свою вину. Чужой украденный плод оказывается плодом греха, преступления, за которыми рано или поздно последует наказание. Плод в тексте «Сады поэзии» выступает как метафора стихотворения: *«Вось теплеет. Скоро лето. / Соловей погоде рад – / Теплым солнцем разогретый, / Расцветает майский сад. / В белой пене бродят ветры, / Рядом с ними я иду, / Набухают соком ветви, / Я плодов богатых жду»* [Анисимов 2008, 44].

К регулярно привлекаемым поэтическим символам относится мед, в первую очередь семантически раскрывающийся как характеристический образ. Мед контекстуально связан с радостью, наслаждением, гармонией, любованием природой: *«Играла (гармонь) с утра до захода, / Играла весь день без конца. / И сладостным песенным медом / Она наполняла сердца»*. *«И в час благодатный восхода / Пчела собирает нектар, / Вдыхаю я запахи меда, / Что летом мне посланы в дар»* [Анисимов 2008, 39]. В стихотворении «Сходство» лирический герой сравнивает себя с пчелой, а мед и нектар отождествляет с поэтическим словом.

Мед (запах меда) в стихах Э. Анисимова – одна из ассоциативных констант художественного развертывания воспоминаний. В этом случае символ актуализируется в контексте значительного эмоционального напряжения, когда субъект обращается к незабытым переживаниям, пересматривает «ленту» жизни и начинает воспринимать окружающее в свете своей внутренней реальности, сложно устроенной, с неочевидными психологическими «виражами» и ми-

фологическими «зигзагами»: *«Падают снега с небес с утра, / Словно тянут нить воспоминаний... / Вижу жизнь свою порою ранней – / В ней и горя много, и добра. / И лопату в руки я беру, / Разгребаю белые сугробы / И гляжу на снег чистейшей пробы, / Слышу запах меда поутру...»* [Анисимов 2008, 32]. В цитируемом стихотворении при всей кажущейся его простоте центр смысловой тяжести образуют символические коды: белые снега в действительности не очищают, а погружают в былое, физическая «автоматическая» работа переключает героя с внешнего на внутреннее зрение. Стихотворение «Падают снега», по-видимому, интертекстуально перекликается с культовым стихотворением Евгения Евтушенко «Идут белые снеги».

Эврик Анисимов – поэт зари, рассвета, утра. Во многих его стихотворениях фигурируют именно утренние хронотопы: *«И утром я из дома снова / Меж теплых деревьев иду / И вижу, как воздух медовый / Струится в июльском саду»* [Анисимов 2008, 39]. Утренняя дорога в стихах Э. Анисимова ведет на луга, в поля, на пастбища. Подчеркивается глубинная связь лирического героя с природой, деревней: *«Солнышко встало. Пора. / Кнут, извиваясь, змеей / Тянет-ся тихо за мной – / Вновь я в дороге с утра»* [Там же, 42].

Выбор поэтом не «мифологической» ночи или сумерек, а «реалистичного» утра гипотетически можно расценивать как своеобразную художественную установку, «говорящий» сигнал: Эврик Анисимов отказывается в анализируемой нами книге стихов «Листопад» от реализации этнокультурной составляющей, сосредоточивается на повседневности.

Эврик Анисимов с определенной периодичностью обыгрывает тему боли. Болевые (физические и душевные) ощущения обусловлены разными факторами. Чаще – сложным духовным опытом; жизнью, полной разлук и разочарований. Образ человека, переживающего боль, в художественном преломлении может замещаться растением, птицей, животным. В стихотворении «Ветка черемухи» в дом лирического героя принесли ветку дерева. Она страдает в городской квартире, «в мутной банке»; привычное пространство становится другим, чужим, «отравлено» почти человеческим горем: *«И в комнатах тесного дома / О боли она говорит, / И рана на месте излома / Всё больше и больше саднит»* [Анисимов 2008, 7]. Обращает на себя внимание финал стихотворения, поражающий пессимистическими заключениями о долгоиграющей боли душевных ран: *«Ведь радости так быстротечны, / А раны так долго болят...»* [Там же, 8].

Одна из примечательных психологических (этнических) деталей, характеризующих лирического героя / автора / финно-угра – его ранимость. Кажется, что военное детство, послевоенная юность, сложности жизни в советские годы не закалили, а, напротив, обострили взаимоотношения с окружающим миром. «Я»-субъект болезненно реагирует на любое происшествие, резко и надолго впадает в уныние, теряет внутреннее спокойствие, равновесие. Так, кража гармонии для героя – большая беда: *«Я вижу веселые лица, / Но жизнь для меня не светла – / Бедою я ранен, как птица, / Что разом лишилась крыла»* [Анисимов 2008, 86]. Военное детство в одном из стихотворных произведений Э. Анисимова получает метафорическое воплощение в виде шрама, который в течение многих лет болит: *«Была работа так трудна – / Ее узнал я в раннем детстве, / Тот шрам оставила война / И на руке моей, и в сердце... / О память, ты всегда жива, / Хранишь ты ощущение боли / И мамы горькие слова, / И на горе большое поле»* [Там же, 62].

Значительную часть поэтического творчества Эврика Анисимова составляют стихи наивно-восторженного склада. Это тематически разнородные тексты, в основе которых безоценочно-описательное повествование, отсутствие выраженного рефлексивного плана, повышенная «удивленная» созерцательность, радостно-игровое принятие реальности, некоторая «замедленность» поэтического кадра, простота высказываний, многословие, песенность, «нулевая семантика» многих актуализируемых автором образов. Перечисленные «симптомы», реализующиеся в текстах в той или иной степени концентрации, отчасти сближают их с детской литературой. «Детскость» художественного сознания роднит стихи Э. Анисимова не только с отдельными марийскими авторами, но и с национальными писателями Урало-Поволжья, Крайнего

Севера и Дальнего Востока. Один из важных аналитических вопросов – каково участие переводчика в трансляции такой ментальности?

Образцы поэтического «наива» в творчестве Э. Анисимова – стихи «Другу», «Любовь моя», «Черный цвет», «Канатоходец» и др. Эти произведения на первый взгляд кажутся проходными, создающими текстовой объем книги. Однако при более внимательном прочтении нельзя не заметить их большого художественного обаяния, оптимизма, контрастирующего с исходными печалью и обращенностью к прошлому марийского поэта.

Одна из поэтических проекций «наива» – изображение людей, живущих простыми радостями физического труда, а не внутренними противоречиями, «играми разума»: *«Вёдыра сын лучезарно смеется, / Мастер он. Каменщик он. / Светится парень, как майское солнце, / В ветер весенний влюблен. / А кирпичи – словно солнца кусочки, / Тепел и радостен мир. / Полдень. «Ребята, обедаем. Точка!» – / Звонко кричит бригадир. / Вёдыра сын был сегодня в ударе, / Вытер он медленно пот, / И, опираясь на облако, парень / В рот сигарету берет»* [Анисимов 2008, 67].

«Цирковое» стихотворение «Канатоходец», отличающееся очаровывающей наивностью восторженного восприятия акробатических номеров, представляет интерес как с точки зрения возможных интертекстуальных параллелей с творчеством В. С. Высоцкого (см. стихотворение-песню «Диалог в цирке»), так и в контексте исследования «индустрии впечатлений» советского государства. Для советского человека из провинции поход в цирк был редким большим личным и культурным событием, запоминающимся на долгие годы. Приводимый текст – поток эмоций и зрительных переживаний, который невозможно сдерживать: *«Я в цирк пришел весенним днем, / Светло, как в детстве, стало мне – / Я был согрет таким огнём, / Какой не встретишь и во сне. / Встал на дыбы медведь лесной, / Не сказка то – / земная быль. / Он шел, мохнатый и ручной, / Плясал старинную кадрили. / Был на арене акробат / Силен и смел, хоть ростом мал, / Как птица, ловок и крылат, / Он нам улыбки посылал. / И все ж того запомнил я, / Кто по канату шел вперед, / Казалось мне – / душа моя / С ним устремляется в полет. / Натянут туго, как струна, / Чуть под ногой дрожал канат, / Была дорога так трудна, / Но он не знал / пути назад. / А я сидел в своем ряду»* [Анисимов 2008, 69].

В «наивных» стихах Э. Анисимова главенствует стремление к любви и дружбе. Сильные, ничем и никем не замутненные чувства или возвращают в топысы молодости, или же на время «спасены» от осложнений прошлым, несчастливым настоящим.

Вместе с тем одна из «сфер отсутствия» в поэзии Эврика Анисимова – любовная тематика. В рассматриваемой книге «Листопад» почти нет стихотворений о любви. Редкие попытки обращения к этой теме поражают или искусственным, натянутым изображением чувств, или обескураживают прямолинейностью и даже жестокостью по отношению к женщине. Стихотворение «Шутка», несмотря на свое говорящее, как бы реабилитирующее автора заглавие, в лучшем случае может расцениваться как очень неудачная шутка, отталкивающий потенциально реципиента опыт выражения обиды, комплексов мужчины: *«Ты опять не в духе, дорогая, / Ты бранишься, горестно вздыхая. / Видно, впрямь я надоел тебе, / Видно, дело в нашей злой судьбе. / Улечу-ка я на Марс-планету, / Там, наверно, женской брани нету. / Впрочем, может быть, сквозь ветра вой / Я и там услышу голос твой»* [Анисимов 2008, 77]. Во многих стихотворных текстах Э. Анисимова нашли отражение боль и печали прожитой жизни.

Поэзия Эврика Анисимова, невзирая на свою традиционность, «приглаженный» внешний вид, представляет интерес реализацией отдельных концептуальных тем. Прежде всего, это художественное представление феномена человеческой боли, обращение к творческому измерению, текстопорождающим механизмам индивидуальной памяти, умение поэтически подняться на трагическую высоту истории, судьбы народа. Э. Анисимов – поэт, реагирующий на риторику времени. Он с равной убедительностью сумел отразить и советское прошлое, и сложную для литературного осмысления эклектику эпохи 1990-х годов.

Анисимов – один из основоположников марийской пейзажной лирики. Создавая природные панорамы, поэт смог избежать воздействия соцреализма. Вместе с тем Эврик Анисимов отказывается от привлечения этнокультурных контекстов, лишая таким образом свое творчество не только внешнего «атрибутирующего» национального колорита, но и существенно ограничивая на глубинном ментально-художественном уровне возможность проявить многомерность марийского мировидения.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов Э.* Лышташ пӧрдем: Почеламут-влак. Листопад: Стихи / пер. М. Головенчица. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 2008. 192 с.
- Аминева В. Р.* Габдулла Тукай и русская литература XIX в.: типологические параллели. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 160 с.
- Арзамазов А. А.* Мансийский поэт Андрей Тарханов: реалии и парадоксы художественного мировидения // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. № 1. С. 72–82.
- Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор и литература: грани взаимопроникновения // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография / Науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. Екатеринбург – Ижевск – Сыктывкар, 2014. С. 13–27.
- Жулева А. С.* Мифопоэтическая модель мира в ненецкой литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 328 с.
- Завьялов С. А.* Сквозь мох беззвучия: поэзия восточнофинского этнофутуризма // Новое литературное обозрение. 2007. № 85. С. 339–353.
- Кудрявцева Р. А.* Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья: монография / Науч. ред. В. Г. Родионов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2011. 324 с.
- Кудрявцева Р. А., Беляева Т. Н., Шкалина Г. Е.* Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков. Йошкар-Ола: МарГУ, 2019. 353 с.
- Кучукова З. А.* Карачаево-балкарская вертикаль. Нальчик, Изд-во «Эльбрус». 2015. 304 с.
- Манаева-Чеснокова С. П.* Художественный мир современной марийской поэзии: Монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 188 с.
- Султанов К. К.* Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.
- Annus E.* Soviet Postcolonial Studies: A View from the Western Borderlands. L.: Routledge, 2018. 316 p.
- Ekmanis R.* Latvian Literature under the Soviets: 1940–1975. Belmont: Nordland Publishing Company, 1978. 533 p.
- Mattingly D. J.* Imperialism, Power, and Identity: Experiencing the Roman Empire. Princeton, N. J., Oxford: Princeton University Press, 2011. 366 p.
- Risch W.* A Soviet West: nationhood, regionalism, and empire in the annexed Western borderlands // Nationalities Papers. The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2015. Vol. 43. № 1. P. 63–81.

Поступила в редакцию 25.07.2021

Арзамазов Алексей Андреевич,

доктор филологических наук,

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр

«Казанский научный центр Российской академии наук»»

420111, Россия, Казань, ул. Лобачевского, 2/31,

e-mail: arzami@rambler.ru

A. A. Arzamazov

REREADING THE WORKS OF MARI SOCIALIST REALISM: THE ARTISTIC PHENOMENON OF EVRIK ANISIMOV

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-83-93

The article examines various aspects of the artistic world of the Mari poet Evrik Anisimov, who is little known to a wide range of readers. His work is interesting because it reflects the most important historical events that

befell a person born in the Soviet Union. Poetic comprehension of these events doesn't proceed smoothly, linearly and in the same aesthetic, ideological and emotional key. In the course of a long life, the Mari poet witnesses a catastrophic realities and consequences of the Great Patriotic War, disintegration of the country and the destruction of ideals. He had to live and create, adapting to new alien ethical paradigms and cultural parameters. E. Anisimov's poems have a wide problematic and thematic range, and are characterized by text-forming interaction of “modes” of memory. The diverse psychological contexts of Anisimov's poetry are valuable from a literary point of view. The revealed numerous situations of physical and mental traumatization of the lyrical subject, apparently, can be regarded both as an objective result of life during the war years, and as a remarkable ethnopsychological feature of the Finno-Ugric ethnophor. The “spheres of absence” are also significant. The poet does not actualize the plots of love communication, does not express his ethnic identity, that indicates the mechanisms of internal filtering and censorship that work even after years. The artistic phenomenon of E. Anisimov is a complex reality that includes the reflection and repulsion of the Soviet model of the world, socialist realist rhetoric and the author's sense of the tragedy of Soviet history and everyday life. Ideological attitudes in his works either collide or implicitly coexist with the awakening creative freedom, memory is “complicated” by the perception of modernity, heroism is combined with vulnerability. Our attention to the system of poems by Evrik Anisimov shows that the time has come to re-read Mari socialist realism.

Keywords: socialist realism, Mari poetry, rhetoric of the era, narrative, plot, motive, figurative system, history, spiritual culture, naive, landscape lyrics, urbanism.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 1. P. 83–93. In Russian.

REFERENCES

Anisimov E. Lyshtash pördem: Pochelamut-vlak. Listopad: Stikhi [Fall of the leaves: Poems]. Yoshkar-Ola, Marii kniga savyktysh Publ., 2008. 192 p. In Mari. In Russian.

Amineva V. R. *Gabdulla Tukai i russkaya literatura XIX v.: tipologicheskie paralleli* [Gabdulla Tukai and Russian literature of the 19th century: typological parallels]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2016. 160 p. In Russian.

Arzamazov A. A. Mansiiskii poet Andrei Tarkhanov: realii i paradoksy khudozhestvennogo mirovideniya [Mansi poet Andrey Tarkhanov: realities and paradoxes of artistic worldview]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021. № 1. P. 72–82. In Russian.

Vladykina T. G. Udmurtskii fol'klor i literatura: grani vzaimoproniknoveniya [Udmurt folklore and literature: the verge of interpenetration]. *Permskie literatury v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoj slovesnosti* [Perm literature in the context of the Finno-Ugric culture and Russian literature]. Ekaterinburg – Izhevsk – Syktyvkar, 2014. P.13–27. In Russian.

Zhuleva A. S. *Mifopoeticheskaya model' mira v nenetskoj literature* [Mythopoetic model of the world in the Nenets literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019. 328 p. In Russian.

Zav'yalov S. A. Skvoz' mokh bezzvuchiya: poeziya vostochnofinskogo etnofuturizma [Through the moss of silence: the poetry of East Finnish ethnofuturism]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2007. № 85. P. 339–353. In Russian.

Kudryavtseva R. A. *Genesis i dinamika poetiki mariiskogo rasskaza v kontekste literatur narodov Povolzh'ya* [The genesis and dynamics of the poetics of the Mari story in the context of the literatures of the peoples of the Volga region]. Yoshkar-Ola, MarGU, 2011. 324 p. In Russian.

Kudryavtseva R. A., Belyaeva T. N., Shkalina G. E. *Aksiologicheskaya paradigma mariiskoi literatury XX–XXI vekov* [Axiological paradigm of the Mari literature of the XX–XXI centuries]. Yoshkar-Ola, MarGU, 2019. 353 p. In Russian.

Kuchukova Z. A. *Karachaevskaya vertikall'* [Karachay-Balkar vertical]. Nalchik, Izd-vo “El'brus” Publ., 2015. 304 p. In Russian.

Manaeva-Chesnokova S. P. *Khudozhestvennyi mir sovremennoi mariiskoi poezii* [The artistic world of contemporary Mari poetry]. Yoshkar-Ola, MarNIIYaLI Publ., 2004. 188 p. In Russian.

Sultanov K. K. *Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost': kommunikativnyi aspekt* [Refraction angle. Literature and identity: the communication aspect]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019. 352 p. In Russian.

Annus E. *Soviet Postcolonial Studies: A View from the Western Borderlands*. L.: Routledge, 2018. 316 p. In English.

Ekmanis R. *Latvian Literature under the Soviets: 1940–1975*. Belmont: Nordland Publishing Company, 1978. 533 p. In English.

Mattingly D. J. *Imperialism, Power, and Identity: Experiencing the Roman Empire*. Princeton, N. J., Oxford: Princeton University Press, 2011. 366 p. In English.

Risch W. A Soviet West: nationhood, regionalism, and empire in the annexed Western borderlands. Nationalities Papers. *The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 2015. Vol. 43. № 1. P. 63–81. In English.

Received 25.07.2021

Arzamazov Alexey Andreevich,
Doctor of Philology, Head of the Laboratory of Multifactorial
Humanitarian Analysis and Cognitive Philology,
Federal research center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”,
2/31, Lobachevskogo st., Kazan, 420111, Russian Federation,
e-mail: arzami@rambler.ru